

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних	7
1.1 Правосудие в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации.....	7
1.2 Восстановительное правосудие: история развития идеи.....	16
1.3 Особенности восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних.....	23
Глава 2. Восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних: правоприменительный аспект	28
2.1 Современное российское законодательство в отношении несовершеннолетних правонарушителей.....	28
2.2 Медиация по уголовным делам как способ восстановительного правосудия	40
2.3 Медиация по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.....	46
Глава 3. Практический опыт восстановительного правосудия	54
3.1 Территориальные службы примирения.....	54
3.2 Школьные службы примирения и восстановительная медиация	60
Заключение	68
Список литературы	Ошибка! Закладка не определена.
Приложение 1	Ошибка! Закладка не определена.
Приложение 2	Ошибка! Закладка не определена.
Приложение 3	Ошибка! Закладка не определена.
Приложение 4	Ошибка! Закладка не определена.
Приложение 5	Ошибка! Закладка не определена.
Приложение 6	Ошибка! Закладка не определена.

Введение

Преступность несовершеннолетних можно рассматривать как своеобразный показатель «здоровья» общества. Способность социума разрешать уголовно-правовые конфликты теми способами, которые позволяют не воспроизводить криминальные формы поведения, а, напротив, обеспечивают возвращение лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, к одобряемым обществом формам поведения, вот желаемый вариант развития.

Поиск новых подходов, как к оценке преступления, так и к назначению наказания объясняется кризисом концепции карательного правосудия. Необходимы новые эффективные и социально приемлемые приемы воздействия на преступность.

В качестве альтернативного варианта карательного правосудия в отношении несовершеннолетних появляется доктрина восстановительного правосудия. Сущность данной концепции – «особое отношение к преступлению и наказанию за него, к лицу, совершившему преступление, и лицу, пострадавшему в результате преступления» [16].

На первый план выходит не наказание виновного, а вовлечение его в процесс социальной реабилитации при восстановлении нанесенного жертве ущерба (морального, психологического и материального).

Развитие восстановительного правосудия как правовой основы социальной политики в отношении несовершеннолетних невозможно вне деятельности законодательных, исполнительных, судебных органов и различных институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761, обозначила цель создания дружественного к ребенку правосудия и обозначила возможные пути ее достижения. В рамках стратегии ставилась задача по созданию «...эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих

детей, системы правосудия и системы исполнения наказаний, дружественных к ребенку» [16]. Приоритет отдавался восстановительному подходу и мерам воспитательного воздействия. Кроме того предполагалось обеспечение выполнения Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 года), Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы 1990 года), рекомендаций Комитета министров Совета Европы о европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, подвергаемых наказанию и мерам воздействия. С учетом результатов реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы принято решение об объявлении десятилетия Детства (в период с 2018 по 2027 год), что было юридически закреплено Указом Президента № 240 от 29 мая 2017 года.

В связи с этим возникает необходимость научного рассмотрения восстановительной юстиции, ее принципов, правовых основ действия, позитивных результатов и возникающих сложностей в практике работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Актуальность проведенного нами исследования определяется все более активным проникновением программ восстановительного правосудия как в повседневную жизнь детей, родителей и педагогов (в виде школьных служб примирения), так и в судопроизводство по делам несовершеннолетних.

Объект диссертационного исследования – восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних.

Предмет диссертационного исследования – соотношение теоретических и практических аспектов восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних.

Цели исследования формулируются нами как:

1. Выявить содержание понятия, определение исторической, философской, социально-правовой природы восстановительного правосудия;
2. Систематизация подходов к восстановительному правосудию, его целей и признаков;
3. Установление нормативно-правовой базы реализации восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних;
4. Рассмотрение организационных и педагогических аспектов реализации концепции восстановительного правосудия на практике.

Для достижения этих целей поставлены следующие задачи:

1. Установление юридически значимых характеристик восстановительного правосудия;
2. Установление уголовно-правовых оснований и особенностей реализации восстановительного правосудия в Российской Федерации;
3. Установление возможности проведения, оснований и особенностей реализации медиации в уголовно-правовом поле в Российской Федерации;
4. Рассмотрение особенностей функционирования территориальных служб примирения в Российской Федерации;
5. Рассмотрение особенностей функционирования школьных служб примирения в Российской Федерации.

Методология и методика диссертационного исследования. Методологической основой исследования являются общенаучные методы всеобщего познания, системно-правовой, формально-правовой, анализ уголовных дел и судебных решений. Основу исследования составили также разработки зарубежных и отечественных ученых-юристов, в частности, Дж. Брэйтуэйта, Г. Бэйзмора, Д. Ван Несса, Н. Кристи, Л.М. Карнозовой, Р.Р. Максудова, касающиеся проблем восстановительного правосудия и освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), принятые на 96 пленарном заседании ООН 29 ноября 1985 г., ряд других нормативных актов, регулирующих общественные отношения в сфере уголовной ответственности несовершеннолетних.

Эмпирическую базу исследования составила судебная статистика по делам о преступлениях несовершеннолетних, отчеты о программах медиации, проведенных территориальными и школьными службами примирения.

Теоретическая и практическая значимость исследования связана с комплексным исследованием крупной социально-правовой проблемы, научными выводами и практическими предложениями. Отдельные положения диссертации могут быть использованы в целях совершенствования правоприменительной практики по освобождению несовершеннолетних от уголовной ответственности; при подготовке криминологических исследований и разработке практических мер противодействия преступности несовершеннолетних; в учебном процессе при преподавании соответствующих курсов такого направления как «Медиация в сфере образования»; для повышения квалификации практических работников, непосредственно осуществляющих медиацию в территориальных и школьных службах примирения.

Объем и структура диссертации определены целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, приложений и библиографии.

Глава 1. Теоретические основы восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних

1.1 Правосудие в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации

В середине 90-х годов XX века в России начинается движение гражданской и юридической общественности за создание ювенальной юстиции, что приводит к созданию различных моделей по взаимодействию с несовершеннолетними правонарушителями. Обсуждение предложений по созданию автономной системы ювенальной юстиции не прекращается до сих пор. Поэтому использование термина «ювенальная юстиция» по отношению к существующему положению вещей – неправомерно. Необходим термин-заместитель – «ювенальные технологии», который можно использовать для обозначения новых способов обращения с детьми-правонарушителями. Ювенальные технологии основываются на действующем законодательстве, в регионах складываются индивидуальные организационные модели в зависимости от конкретных условий и возможностей реализации этих технологий.

Исходя из того, на что направлены ювенальные технологии, в чем заключаются их содержательные характеристики, выделяются два подхода: реабилитационный и восстановительный. В первом акцентируется деятельность социального работника, социального педагога (помощника судьи, который наделен соответствующими функциями) и необходимость взаимодействия суда с учреждениями, занимающимися сбором информации о личности обвиняемого и социальной ситуации, в которой оказался подросток. На основе собранной информации специалисты разрабатывают программы реабилитации для несовершеннолетнего правонарушителя (программы, включающие индивидуальную профилактическую работу). В некоторых регионах эту работу координируют комиссии по делам

несовершеннолетних и защите их прав (очевидно, работа этих комиссий начинается еще на досудебной стадии).

Основной акцент в рамках этого подхода делается на социальной и психологической диагностике. Наиболее важными направлениями работы в рамках реабилитационных программ, оказываются: помощь в устройстве на работу или учебу, психологическая помощь, организация досуга, беседа, контроль и пр. Определенным недостатком реализации реабилитационного подхода становится позиция «исследуемого» и «получающего услуги», в которой оказывается подросток. Занять позицию активного субъекта в этой ситуации затруднительно.

Второй подход – восстановительный – в качестве основной формы работы использует программу восстановительного правосудия: встречу правонарушителя и жертвы, нацеленную на принятие несовершеннолетним правонарушителем ответственности за совершенное деяние, заглаживание вреда потерпевшему и разработку дальнейших шагов, направленных на то, чтобы подобное не повторилось. Применяются и другие восстановительные программы: круги сообщества и семейные конференции, которые призваны вовлечь семейное и близкое социальное окружение несовершеннолетнего в решение проблем, связанных с правонарушением, и поддержать его в принятии ответственности и процессах позитивной реинтеграции.

Включение восстановительных программ в систему реагирования на криминальные ситуации предполагает серьезные изменения как в профессиональном инструментарии и мировоззрении специалистов, так и в организационно-правовом устройстве структур работы с несовершеннолетними. В данной главе мы рассмотрим теоретические основы восстановительного правосудия, формирующие его основные принципы и установки, соотношение правосудия в отношении несовершеннолетних и восстановительного правосудия.

Если определять ювенальную юстицию не просто как правосудие по делам несовершеннолетних, а как особую систему, направленную на

повторную социализацию ребенка, где во главу угла ставятся воспитательные, а не карательные меры, где критерием принятия решения по делу является вопрос о будущем ребенка, то в России нет специальной системы ювенальной юстиции. Реагирование на преступления несовершеннолетних является составной частью общей системы уголовной юстиции. Тем не менее нормы, регламентирующие процедуры уголовного судопроизводства и уголовно-правовые санкции по отношению к несовершеннолетним, имеют определенные особенности. Если же охарактеризовать эту систему в целом, то ее нельзя назвать статичной. Начавшееся в 90-х годах XX-го века движение за создание ювенальной юстиции привело к появлению разного рода концептуальных разработок, к множеству экспериментов и инноваций в практике, к активизации общественности, к формированию инфраструктуры по защите детства.

Смягчение наказания детям за совершение преступлений – явление давнее. Но ювенальная юстиция как особый юридико-социальный институт - недавнее завоевание, ему немногим более ста лет. Точкой отсчета истории детского правосудия в России можно считать создание первого ювенального суда в Санкт-Петербурге в 1910 г. Он стал образцом для создания подобных судов и в других крупных городах. 1918 г. ознаменовался ликвидацией всей действующей в Российской Империи юстиции. На протяжении всего советского периода истории реагирование на действия несовершеннолетних криминального характера приобретало различную направленность и разные формы (внесудебные воспитательные: в 1918 г. были созданы комиссии по делам несовершеннолетних; предельно репрессивные: с 1935 до конца 50-х годов). В 60-е годы XX-го века в правосудии по делам несовершеннолетних происходят существенные изменения. В судопроизводство по уголовным делам включаются институты, принимающие во внимание особенности детского возраста, необходимость применения мер воспитательного воздействия, возможность привлечения общества к работе с несовершеннолетними правонарушителями. В этот же период развиваются

гуманитарные науки в СССР, в частности, можно говорить о становлении социологии, криминологии, судебной психологии. И все же, все изменения в правосудии для несовершеннолетних не выходили за рамки парадигмы наказания (то есть такого правопонимания, которое оперирует в-первую очередь понятиями «преступление» и «наказание», а не «восстановление» и «воспитание»). То есть институционального отделения детской юстиции от общеуголовной не происходило. Однако при этом и в советское время, и сейчас несовершеннолетние отбывают назначенное им уголовное наказание отдельно от взрослых преступников – в воспитательных колониях.

Распад СССР в 90-е годы привел к появлению в современной России новой правовой системы, коснувшейся, в том числе, и несовершеннолетних. Принципиально устройство детского правосудия не изменилось. Но, благодаря принадлежности России к мировому сообществу, вхождению ее в ООН и Совет Европы, происходит постепенное восприятие и интеграция международных стандартов и рекомендаций в том числе в правовом поле, регулирующем преступность несовершеннолетних. Сегодня российская ювенальная юстиция находится в процессе становления, правда отсутствие идейного консенсуса в обществе делает этот процесс достаточно сложным.

В 90-е годы XX-го века проводится правовая реформа, которая утверждает общепризнанные принципы и нормы международного права как составную часть правовой системы Российской Федерации (ч.4 ст. 15 Конституции РФ). В 1990 г. ратифицирована Конвенция ООН о правах ребенка – основной международный документ, посвященный несовершеннолетним, в том числе детскому правосудию. Одновременно в защите прав детей и правосудии в отношении несовершеннолетних применяются и международные документы более общего характера, наиважнейшие из них - Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966, подписан и ратифицирован СССР, вступил в силу в 1976 г), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ратифицированная в 1998 г.) и пр.

На становление ювенальной юстиции в России оказывают влияние международные акты рекомендательного характера – прежде всего, принятые в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН (Минимальные стандартные правила ООН в отношении отправления правосудия по делам несовершеннолетних - Пекинские правила, 1985 г., Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних - Эр-Риядские руководящие принципы, 1990, Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990, и др.), а также Рекомендации Комитета Министров Совета Европы (например, Рес (87) 20 по проблеме общественной реакции на преступность среди несовершеннолетних; Рес (2003) 20 касательно новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних; Рекомендация по правосудию, дружественному к ребенку, от 17 ноября 2010 г.).

Конституция РФ, утверждая права и свободы человека в качестве высшей ценности (ст. 2), гласит: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17). Так что «ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина». Конституция гарантирует государственную поддержку семьи, материнства и детства (ч. 1 ст. 38).

В соответствии с Конституцией РФ и международными стандартами в 1998 г. принят Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», направленный на создание правовых условий, в которых реализовались бы права и законные интересы ребенка. В том, что касается вопросов, связанных с реагированием на преступления несовершеннолетних, этот Закон вводит базовые для правосудия по делам несовершеннолетних положения:

- социальная реабилитация ребенка;
- приоритет благополучия ребенка;

- специализация процедур правоприменения, в которых участвует ребенок;

- соблюдение принципов международного права при назначении наказания несовершеннолетним, совершившим правонарушения, и т.п.

Закон является рамочным и указывает направления необходимых изменений.

Другой Закон, предназначенный создать фундамент отечественной ювенальной юстиции - Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Закон определяет как основные органы и учреждения системы профилактики, так и их задачи, принципы и основания деятельности, а также особенности профилактической работы. Центральное место в этой системе отводится комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые призваны координировать такую работу.

Комиссии занимаются детьми, не достигшими возраста уголовной ответственности, если те совершили деяния, запрещенные уголовным законом. В частности, готовят материалы для суда для помещения таких детей в специальные учебно-воспитательные учреждения. Рассматривают дела об исключении детей из школ (или других образовательных учреждений) и т.п. Комиссии помогают в устройстве детей, нуждающихся в помощи государства. Собирают материалы для суда на родителей, чьи дети оказываются без надзора, для лишения таких родителей родительских прав.

Кроме того в систему, обеспечивающую профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, входят органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы по делам молодежи, органы службы занятости, органы управления здравоохранением, органы опеки и попечительства, органы внутренних дел, в которых созданы специальные подразделения по делам несовершеннолетних. Также в России создан институт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, аналогичные институты созданы и в ряде субъектов РФ.

Но о создании целостной системы на сегодняшний день говорить рано. Органы и учреждения не координируют свою работу, не имеют единого педагогического подхода, и во многом ориентируются на формальный контроль и карательные санкции в отношении несовершеннолетних правонарушителей и их родителей. Закон предписывает указанным органам работу со всеми несовершеннолетними, находящимися в «социально опасном положении», однако практика его реализации такова, что с несовершеннолетними, совершившими преступления и уже достигшими возраста уголовной ответственности они, в большинстве регионов, не работают. Такие подростки просто проходят обычные стадии уголовного процесса в полиции и суде.

Одновременно Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» дает основание для реализации новых технологий работы с детьми, поскольку декларирует высокие ценности гуманизма, защиты прав и интересов ребенка и пр. и тем самым создает правовые условия для складывания сети социально-гуманитарных учреждений для несовершеннолетних. Это новая для России сфера и практика в различных регионах устроена по-разному. Законы о комиссиях по делам несовершеннолетних принимаются на уровне субъектов РФ, и хотя они базируются на общефедеральном Законе, региональные модели могут существенно различаться.

В настоящее время существует ряд федеральных и региональных программ, посвященных вопросам детства и проблеме защиты детей. Один из наиболее важных документов, принятых в этой сфере - Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы (утверждена Указом Президента РФ 1 июня 2012 г.). Данная программа создавалась с учетом Стратегии Совета Европы по защите прав ребенка на 2012 – 2015 годы (от 15 февраля 2012 г.), основные цели которой: создание дружественных ребенку услуг и систем, искоренение всех форм насилия в отношении детей, гарантирование прав детей в ситуациях их особой уязвимости. Один из

разделов Национальной стратегии (раздел VI) посвящен созданию дружественного к ребенку правосудия. Преемницей этой стратегии стала программа «Десятилетие детства» на 2018-2027 годы.

Уголовный (УК) и Уголовно-процессуальный (УПК) кодексы РФ содержат специальные главы, относящиеся к уголовным делам в отношении несовершеннолетних (глава 14 УК РФ; глава 50 УПК РФ). В этих главах содержатся нормы, вполне соответствующие международным стандартам детского правосудия. Однако данные нормы не регламентируют производство в отношении несовершеннолетних и особенности их уголовной ответственности единолично, а лишь дополняют общие положения кодексов. В России нет специализированных судов для несовершеннолетних, рассмотрение таких дел осуществляется в контексте общих принципов и норм уголовной юстиции, карательной по сути, хотя и имеет некоторую специфику, отражающую основополагающие международные стандарты в этой области.

Действующее российское законодательство содержит немало положений, вполне отвечающих международным стандартам правосудия в отношении несовершеннолетних. Разрыв между законодательными предписаниями и реальной практикой стал одним из факторов, открывающих возможность для эксперимента в области правосудия по делам несовершеннолетних.

С середины 90-х годов XX-го столетия началось довольно интенсивное движение гражданской и юридической общественности за ювенальную юстицию. Предлагались соответствующие законопроекты, однако законодательный процесс слишком долог и неповоротлив. Да и кроме того, в 90-е годы на практике не было выработано каких-то ясных моделей, которые имело бы смысл закрепить в законе. С другой стороны, имеющееся законодательство уже давало возможность реализовывать международные стандарты, правда при определенных условиях – при смене основных установок и интерпретации законов, поскольку цели ювенальной юстиции

принципиально иные, чем уголовной. Российское уголовное и уголовно-процессуальное право неявно создает пространство для реализации особой деятельности в отношении несовершеннолетних. В рамках этой деятельности выявляются условия его жизни и воспитания, определяются возможности применения мер воспитательного воздействия либо условного осуждения, как более эффективных в конкретном случае, нежели карательные санкции, вырабатываются рекомендации по назначению наказания и т.п. Но специальную процессуальную фигуру для выполнения такой работы закон не предусматривал (и до сих пор не предусматривает). При новой интерпретации возникает нужда в организации деятельности, которая могла бы фактически реализовать указанные нормы.

Выработанные за более чем столетнюю историю принципы ювенальной юстиции реализуются в разных странах в тесном сотрудничестве структур официальной юстиции с социально-реабилитационными организациями и учреждениями, обеспечивающими возможность некарательного реагирования на преступления несовершеннолетних.

Идеи социальной реабилитации и социальной защиты, присутствующие в проектах по созданию элементов ювенальной юстиции, очень важны, поскольку воплощают признание ценности каждого ребенка, устраняют безразличное отношение к беде детей (пусть и ставших правонарушителями). Эти идеи ориентированы на учет причин и условий, способствующих совершению преступлений, с которыми приходится сталкиваться правоохранительным органам и суду. И когда десоциализация и преступление вызываются накоплением у подростка проблем и трудностей – жилищных, бытовых, материальных, семейных, без мер социальной защиты и помощи не обойтись.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в соответствии с той же статистикой существуют и такие совершившие преступления несовершеннолетние, которые учатся или работают, у которых в большей или меньшей степени имеются и сносные материальные условия

существования, семья. И уже не столько крайняя нужда и социальное сиротство лежат в основе криминального поведения, сколько дисфункции социальных институтов (школы, семьи, форм досуга и пр.), моральная и общая личностная незрелость подростков. И здесь необходимо обращение к другим некарательным идеям и подходам, обеспечивающим позитивную социализацию и профилактику будущих преступлений.

Это тем более важно, что к 70-м годам XX века традиционный для философии ювенальной юстиции подход к правонарушителю, сочетающий меры социальной помощи и реабилитации, обнаружил ряд существенных недостатков и подвергается критике во всем мире [Бэйзмор: 37-68]. Классическая модель ювенальной юстиции, где преступление рассматривается как симптом неблагополучия, а совершивший его подросток – как носитель проблем, нуждающийся в услугах по их решению, оказалась уязвимой. Эта модель остается безразличной к самому факту нанесения вреда обществу и другому человеку, идея ответственности вообще осталась за ее рамками. Следующий шаг в развитии идей и практики ювенальной юстиции сделала концепция восстановительного правосудия

1.2 Восстановительное правосудие: история развития идеи

Правосудие как таковое – «деятельность государства, связанная с борьбой с преступностью и правонарушениями и защитой интересов государства и его граждан в судебном производстве, основанном на законах» [71]. Восстановительное правосудие – это новый взгляд на то, как обществу необходимо отвечать на преступление, и построенная в соответствии с этим взглядом практика. Оно появилось, как попытка предложить альтернативный метод борьбы с преступностью. Это относительно новый подход в мировой пенологии, науке изучающей исполнение наказания, однако уже достаточно известный в большинстве развитых стран. Сегодня этот подход реализуется применительно к определенным категориям дел в странах Европы, Южной

Африки, в США и Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Появление всемирного движения за восстановительное правосудие относят к концу 1970-х годов. Экономический и Социальный Совет ООН принял Декларацию об Основных принципах использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах 24 июля 2002. В ней были заявлены цели и методы, с которыми связывается осуществление восстановительного процесса. В России первые программы восстановительного правосудия появляются в 1998 году.

Базовой для данного подхода является идея критического отношения к современной системе уголовных наказаний, действующей в развитых странах. В частности, как проблема рассматривается «двусторонняя» обезличенность пенитенциарной системы [71].

Во-первых, речь идет о безразличном отношении к жертве совершенного преступления. Конечно, вся деятельность правоохранительных органов, равно как и вся система уголовного права нацелены на охрану интересов жертвы преступления. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что участие жертвы в процессе осуществления правосудия минимально, она практически не рассматривается как активный участник судебного процесса и не имеет возможности получить возмещение морального вреда, причиненного в результате преступления. Существующая система выплат штрафов не может рассматриваться как эффективный способ заглаживания причиненного вреда, более того денежная компенсация воспринимается пострадавшими как попытка ухода от ответственности. Крайний случай обезличивания, когда жертва сталкивается с агрессией по отношению к себе в правоохранительных органах.

Во-вторых, обезличенным оказывается и сам преступник, индивидуальность которого и изменение этой индивидуальности после наказания в большинстве случаев безразличны участникам уголовного судопроизводства. Человек, преступивший закон, в глазах общества становится угрозой целостности этого общества, а не личностью со своим

прошлым и будущим. Таким образом преступник практически исключается из общества, если не буквально, при назначении наказания в виде лишения свободы, то на уровне общественного мнения, пройдя через процедуру дознания, следствия и суда, получив ярлык отверженного. Лишение свободы, а значит, и тюремное заключение сводит шансы осужденного вернуться к нормальной жизни в социуме к минимуму. Утрата психологических навыков взаимодействия с людьми в ходе социально одобряемого поведения приводит к тому, что человек вынужденно возвращается в преступное сообщество, то есть сознательно идет на повторное нарушение закона.

При этом не происходит осознания того зла, которое преступник причинил другому человеку, следовательно, не принимаются и последствия преступного поведения, осужденный считает себя жертвой обстоятельств, претерпевающей несправедливое наказание.

Ряд авторов [24, 26, 27, 35,42] изучая принципы, лежащие в основе современной пенитенциарной системы, предлагает свое понимание этих основ и, как следствие, новые, принципиально иные методы борьбы с преступностью.

Здесь необходимо подробнее остановиться на такой этической категории как «справедливость». Понятие справедливости – основа современной системы уголовных наказаний, но понятие это динамично и исторически изменчиво. Что же понимает под справедливостью восстановительное правосудие?

Ученые, представляющие и развивающие данный подход, говорят об экспериментальном характере современной пенитенциарной системы. Этот эксперимент, начавшийся в Новое время, сегодня не оправдывает себя, и необходимо вернуться к той системе, которая существовала ранее.

Речь идет о том этапе истории человечества, когда суд над преступником и назначение ему наказания происходили в рамках общины. Человек, преступивший закон, был связан с этой общиной множеством связей (его родственники, родственники потерпевшего, осуждение со

стороны людей, которые знали всех участников конфликта с рождения), поэтому сама возможность противоправного поведения сводилась к минимуму. Современная же система правосудия воспринимается как набор правил и установлений, который можно использовать или преодолевать для достижения собственных целей.

Ховард Зер, правовед и криминолог из США, один из ведущих теоретиков восстановительного правосудия, считает, что более верному пониманию справедливости соответствует библейский шалом («шалом» «мир»), а так же «правильный порядок вещей», «гармония»). Если современное понимание справедливости разнородно, раздвоено: «распределительная справедливость» - понятие характерное для социальной сферы, «воздающая справедливость» - для сферы уголовного правосудия. «Библейская справедливость...», – пишет Х.Зер в книге «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание», – «...интегрирует обе сферы, воспринимая их как части единого целого. Любое проявление несправедливости в какой бы то ни было области рассматривается как противоречащее идее шалом» [42, с.21].

С точки зрения Зера основой библейской справедливости было не отмщение («око за око, зуб за зуб»), а возмещение ущерба, возможность загладить вред: «наиболее частым результатом разбирательства были возмещение ущерба и компенсация», – пишет исследователь [42, с. 45].

Исходя из этого необходимо пересмотреть понимание справедливости, важной составляющей частью которой становится вопрос об ответственности преступника за его действия. «Поскольку поведение преступника часто есть результат его безответственности, то просто сообщить ему о назначении наказания – значит позволить уйти от ответственности, поощряя дальнейшую безответственность», – пишет Зер [42, с. 50]. Ответственность за свои действия неотделима от понимания и признания нанесенного вреда, а также действий по возмещению этого вреда. Собственно это и есть основная идея теории восстановительного правосудия.

Безусловно, встает вопрос о возможности осознания преступником вреда, нанесенного жертве. Джон Брейтуэйт в своей книге «Преступление, стыд и воссоединение» предлагает свой ответ на него.

Брейтуэйт считает, что осуществление суда и контроля над преступностью – это задача, которую под силу решить не правоохранительным органам, а такому чувству как стыд. Как этическая категория стыд определяется как «моральное чувство, возникающее в связи с осуждением своего поступка, мотива поведения или какого-либо собственного недостатка. В отличие от совести, которая является исключительно внутренней реакцией нравственного самосознания на нарушение моральных требований, стыд связан с опасением осуждения поступков или недостатков со стороны окружающих» [24, с.32].

Брейтуэйт выделяет два вида стыда: клеймящий стыд и стыд, ведущий к воссоединению. И в первом и во втором случае речь идет об общественной реакции на правонарушение, об ответной реакции преступника и ее последствиях для преступника и общества в целом. Клеймящий или отчуждающий стыд Брейтуэйт рассматривает в соответствии с «теорией ярлыков».

Согласно этой теории, человек, получающий ярлык преступника, теряет свой социальный статус и становится объектом негативного отношения со стороны окружающих. Результатом такого отношения становится его поведение в соответствии с ожиданиями общества, человек сам «ощущает собственную маргинальность, его влечет к субкультурам, которые способны обеспечить поддержку для социально отклоняющегося поведения, он начинает прочно идентифицировать себя с преступной ролью» [24, с.50]. В связи с этим ученые поддерживающие теорию ярлыков предлагают свести к минимуму обсуждение преступных действий, чтобы исключить саму возможность общественного порицания и «стигматизации» человека. Брейтуэйт замечает, что эти последствия связаны, в первую очередь, с клеймящим стыдом: «...отчуждающий стыд как следствие клеймения

способствует расколу общества путем создания касты отверженных. Большая часть усилий направляется на то, чтобы заклеить девиантное поведение, в то время как устранению клейма, прощению и воссоединению уделяется весьма незначительное внимание» [24]. Однако негативных последствий такого порицания можно избежать, если сделать выбор в пользу воссоединяющего, а не клеймящего стыда. «Воссоединяющий стыд – это реакция на такое выражение общественного неодобрения – от мягкого упрека до церемонии снижения статуса, за которыми непременно следуют ритуалы обратного принятия преступника в общину законопослушных граждан. Эти ритуалы могут быть самыми разнообразными, начиная с простых жестов, например улыбки, выражающей любовь и прощение, и заканчивая вполне официальными церемониями, направленными на аннулирование девиантного обозначения» [24, с. 60]. Если клеймящий стыд выделяет и изолирует от социума, то восстанавливающий стыд, напротив, направлен на раскаяние человека и включение его обратно в общество.

Каким именно будет стыд клеймящим или воссоединяющим, зависит от реакции окружающих, связанной с господствующими общественными установками. Наступление воссоединяющего стыда возможно, если в обществе действует установка на прощение, а не на отторжение.

Такая ситуация характерна для обществ с высоким уровнем коммунитарности, т.е. с плотной сетью общественных отношений, предполагающих взаимные обязательства и доверие, основанное на чувстве принадлежности группе, а не на личных интересах. Жесткая структура коммунитарного общества предполагает, что человека нельзя просто исключить из него как ненужный элемент, необходимо привести его к раскаянию и признанию вины и принять его обратно.

В обществах этого типа используется особая модель «семейного уголовного процесса».

Необходимо отметить, что все вышесказанное не характерно для западных обществ. Распространенный в них крайний индивидуализм

приводит к тому, что общество теряет контроль над индивидом, эту функцию берет на себя государство, в частности его репрессивный аппарат. Поэтому отличительными чертами наказания являются неотвратимость и соответствие строгости наказания тяжести преступления. Также значимым элементом наказания считается стыд, который носит клеймящий характер (в качестве примера такого наказания колодки и позорный столб). В результате внутри общества появляется ряд преступных групп с развивающимися в них субкультурами изгоев.

Восстановительное правосудие с его приоритетом воссоединяющего стыда имеет преимущество по сравнению со стандартным уголовным процессом:

- при обычном наказании законопослушное поведение приравнивается к вычислению выгод и затрат, а возможность нравственного выбора преступника не рассматривается. Тогда как чувство восстанавливающего стыда дает возможность осознать, что что-то сделано неправильно, не исключает возможность нравственного выбора;

- при обычном наказании происходит разделение наказывающего и наказуемого, один ставится в подчинение другому. Восстанавливающий стыд также рождает взаимосвязь между стыдящими и провинившимся, но основанную на готовности стыдящих простить и принять в общество, а провинившегося – раскаяться. Такой вариант отношений дает намного больше возможностей для успешного разрешения конфликта: «Утверждение нравственного порядка происходит с двух совершенно разных сторон – со стороны тех, кто был оскорблен, и тех, кто в этом повинен. Нравственный порядок устанавливает особый вид доверия, при котором нарушивший этот порядок выходит и открыто заявляет о том, каким злом является совершенное им нарушение» [24].

Таким образом проведение программ восстановительного правосудия позволяет избежать обезличивания преступника и отстранения от конкретной ситуации, что характерно для существующей сегодня системы наказания.

Программы такого рода обладают в большей степени превентивной, а не карательной функцией, в целом более гуманны и этичны. Они предполагают не изоляцию преступника, а его исправление и включение в нормальную общественную жизнь. На первом месте стоит необходимость исправить несправедливость, возможность для пострадавшей стороны высказаться, получить сочувствие. Преступник получает возможность влиять на принятие решения о своей судьбе, он становится ответственным за это решение.

Описанная выше модель правосудия является диалогической по своей сути, направленной на примирение, а не обвинение.

Однако необходимо сделать несколько замечаний:

- общественные установки, необходимые для реализации таких программ в массовом порядке складываются веками;

- общества такого типа характеризуются большей степенью коллективизма и сплоченности, по сравнению с западноевропейскими, но существование в них предполагает ограничение или отказ от многих прав и свобод, считающихся неотъемлемой частью современной западноевропейской цивилизации;

- восстановительное правосудие не способно полностью заменить собой систему уголовного наказания, существующую сегодня.

В настоящий момент программы восстановительного правосудия действуют как дополнительные методы работы с преступниками и жертвами. Особенно результативны такие программы в случаях, связанных с подростковой преступностью.

1.3 Особенности восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних

Восстановительное правосудие как ведущая идея нашла свое наибольшее выражение в рамках рассмотрения дел несовершеннолетних.

Восстановительный подход в том виде, в каком мы его знаем пришел к нам из-за рубежа. Если его быстрое распространение в мире вероятно

объясняется тем, что «в его ядре лежат глубинные архетипы миротворчества, характерные для всех народов («худой мир лучше доброй ссоры»), базовые модели, которые служат прототипами применяемых программ, сложились в Канаде и США (программы примирения правонарушителя и жертвы) и Новой Зеландии (семейные конференции)» [43, с.3].

В основе правового института ювенальной юстиции лежит философия возрастной защиты, ведущим приемом которой является не наказание, а достижение благополучия ребенка.

Основные принципы ювенальной юстиции:

- охранительная направленность (ориентация в первую очередь на защиту прав ребенка);

- индивидуализация обращения.

Для того чтобы эти принципы не оставались лишь формально провозглашенными, они должны быть не только зафиксированы в соответствующих юридических актах, но и получить реализацию в деятельности структур, специализирующихся на работе с детьми.

Основания восстановительного правосудия могут быть рассмотрены как парадигма, то есть как совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемых и разделяемых научным сообществом. Восстановительная парадигма снимает те ограничения, которые имеются у карательной и реабилитационной парадигм, господствующих в ювенальной юстиции. Восстановительное правосудие «осуществило принципиальный поворот в «детском» правосудии, введя принцип ответственности» [26, с.7], и таким образом задав новую парадигму ювенальной юстиции. Итак, в детском правосудии снова возникает вопрос ответственности, хотя само понятия «ответственности» рассматривается иначе. В рамках уголовно-правовой ответственности правонарушитель рассматривается как объект претерпевания государственного принуждения, в восстановительном правосудии – как субъект способный и обязанный отвечать за последствия своих действий.

В уголовном судопроизводстве есть отдельные категории дел, в которых вред, причиненный конкретному человеку несовершеннолетним правонарушителем, может быть возмещен или заглажен каким-либо иным способом, - это лежит в основании идеи восстановительного правосудия. Происходит замена принципа неотвратимости наказания принципом обязательного заглаживания вреда и возмещения ущерба. В этом случае у потерпевшего и несовершеннолетнего, совершившего преступление, должна быть юридически закреплена возможность урегулировать конфликт на досудебном этапе. В этом случае несовершеннолетнему, который впервые совершил преступление, предоставляется возможность осознать как противоправность своего поведения, так и неотвратимость наказания, что ведет к предотвращению возможного совершения преступлений этим человеком в будущем. Потерпевший прощает несовершеннолетнего, совершившего преступление, соглашается не привлекать его к уголовной ответственности и прекратить производство по делу, если несовершеннолетний правонарушитель действительно выполняет принятые на себя обязательства по заглаживанию вреда.

На сегодняшний день несовершеннолетний, совершивший правонарушение или преступление, обычно не встречается с потерпевшим. Процесс следствия или дознания не предполагает обязательной процедуры такой встречи, и чаще всего нарушитель и потерпевший видятся только в зале суда.

В таком случае примирение на досудебной стадии не просто осложнено, а практически невозможно. Дело попадает в суд, который и решает вопрос о прекращении уголовного дела либо о применении наказания, хотя не исключено, что конфликт мог быть разрешен еще на досудебной стадии. Несовершеннолетний должен представать перед судом только в том случае, когда примирительные процедуры оказываются не эффективны. Часто преступления совершаются несовершеннолетними, которые не до конца понимают противоправность своих действий или

действуют под влиянием сложившихся обстоятельств. В этих случаях несовершеннолетние правонарушители недопонимают опасности своего поведения или просто проявляют беспечность. Но как только подросток оказывается в конфликте с законом, как только привлекается к уголовной ответственности, «он практически неизбежно попадает в социально и психологически необратимую ситуацию» [92, с.3].

Для успешно проведения восстановительных программ с несовершеннолетними нарушителями обязательно знание психологических механизмов детского развития, именно на этой основе выстраивается успешное сотрудничество взрослого и ребенка. Для несовершеннолетнего в программах восстановительного правосудия важна как фигура ведущего программы (нейтральный посредник, медиатор), так и социального работника, непосредственно работающего с правонарушителем. Не менее значительная роль семьи. Эффективнее всего начинать взаимодействие социального работника с обвиняемым сразу после возбуждения уголовного дела. Заглаживание вреда на самой ранней стадии эффективнее и целесообразнее и для правонарушителя, и для потерпевшего, и для профессиональных участников уголовного судопроизводства.

Важной задачей восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей является не только поощрение стремления несовершеннолетних изменить свое поведение на социально одобряемое, но и помощь в осознании ими опасности своего поведения и в понимании необходимости нести ответственность за свои поступки. Необходимо признание несовершеннолетним правонарушителем своей виновности в совершенном преступлении и его раскаяние в содеянном. Сказанное выше относится к совершению преступлений небольшой или средней тяжести. При совершении тяжких и особо тяжких преступлений примирительные процедуры могут и должны проводиться наряду с исполнением наказания, назначенного судом за совершенное преступление.

Вопрос о благополучии несовершеннолетнего при рассмотрении его дела должен рассматриваться как фактор определяющий, помещать ли несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение. Это всегда крайняя мера, которая должна применяться в течение минимального необходимого срока.

Сторонники восстановительного правосудия считают, что в определенной мере оно может не только дополнить, но и заменить существующее в настоящее время карательное правосудие, чья эффективность в последнее время все чаще подвергается сомнению.

Правовая доктрина преступления и наказания подвергается сегодня радикальному пересмотру в связи с неудовлетворенностью общества результатами традиционного воздействия на преступность и, соответственно, состоянием защищенности самого общества от криминальных проявлений. Рост рецидивной преступности, увеличение числа осужденных к лишению свободы, в том числе и за нетяжкие преступления, - все это вновь вызывает дискуссию о проблеме эффективности репрессивных мер наказания.

В национальных законодательствах, как зарубежных государств, так и России, концепция восстановительного правосудия появляется, прежде всего, в делах ювенальной юстиции. Прежде всего, уголовная политика в этих странах направлена на поиск мер, альтернативных существующему наказанию (уголовно-правового характера и не только), и их приоритетное применение. В сложившейся ситуации концепция восстановительного правосудия – это тот набор идей и установок, который позволяет максимально учитывать как интересы общества, так и интересы несовершеннолетнего правонарушителя, а также осуществить поворот к гуманистическому правосудию и подлинно ювенальной юстиции.

Глава 2. Восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних: правоприменительный аспект

2.1 Современное российское законодательство в отношении несовершеннолетних правонарушителей

На современном этапе с особой остротой стоит вопрос о реформировании системы наказания в России. Особенно актуальным направлением этой реформы является система наказания несовершеннолетних. Изменения в данной сфере предполагают смену парадигмы в отношении наказания несовершеннолетних. Современная карательная парадигма в последнее время получает негативные оценки специалистов, отмечается её низкая эффективность и даже потенциальная опасность для общества.

В последнее время в качестве альтернативы карательной парадигме рассматривается парадигма восстановительного правосудия. Эта парадигма создавалась как максимально иной взгляд на то, как необходимо отвечать на совершенное преступление. Восстановительное правосудие предлагает свой выход из кризиса «детского» правосудия, решение вопроса «как совместить две противоположные ориентации в реагировании на правонарушающее поведение несовершеннолетних – заботу о детях и защиту общества от детской преступности» [79]. Ориентация на несовершеннолетнего как на самостоятельный субъект правосудия предполагает существование отдельного самостоятельного термина. Термин «восстановительная ювенальная юстиция» заимствован у Г. Бэйзмора, который обозначал его как «проект формирования ювенальной юстиции «нового поколения», извлекая уроки, как из недостатков классической модели, так и из опасности реакции на эти недостатки в виде возврата к карательной парадигме» [26]. Суть

концепции восстановительного правосудия заключается в помощи жертве и правонарушителю в разрешении их конфликта.

В ядре восстановительного подхода лежит иное, в некотором смысле, более личное, понятие преступления: преступление рассматривается как «насилие, обида, нанесенные другому человеку, а не выпад против государства» [26]. Преступные действия наносят вред конкретному человеку или определенной социальной группе, а, значит, у совершившего их лица появляются обязательства по заглаживанию вреда – вот в чем заключается ответственность в восстановительном правосудии. В праве существует разделение институтов, связанных с санкционированием социальных отношений. Те институты, которые направлены на возмещение причиненного ущерба, носят название «возместительного правосудия» (реституционного, компенсационного). Те же, которые направлены на наказание, то есть страдания, которые должен претерпеть виновный в рамках поддержания общественного порядка, называются «карательным правосудием» (хотя следует помнить, что два названных типа санкций могут совмещаться). Восстановительное правосудие делает выбор не в пользу наказания, а в пользу восстановления – разрешения конфликта между конкретными людьми (а не процессуальными фигурами), примирение.

Возможности существования в России института восстановительной ювенальной юстиции находятся в правовом, технологическом и ментальном полях. В данной главе проводится исследование правового поля, в котором осуществляются программы восстановительного правосудия.

Рассмотрению подвергается уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, так как несовершеннолетние правонарушители попадают в поле зрения правоохранительных органов в подавляющем большинстве случаев именно тогда, когда совершают преступления. Производство в отношении несовершеннолетних и особенности их уголовной ответственности регламентируются не только нормами, представленными в главах 14 УК РФ и 50 УПК РФ, – последние лишь дополняют общие

положения кодексов. В России нет специализированных судов для несовершеннолетних, рассмотрение таких дел осуществляется в контексте общих принципов и норм уголовной юстиции, карательной по сути, хотя и имеет некоторую специфику, отражающую основополагающие международные стандарты в этой области.

Реагирование на деяния, носящие общественно опасный характер, при этом совершенные несовершеннолетними, не достигшими возраста уголовной ответственности, регламентируется Законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

УК РФ относит к несовершеннолетним лиц, которым «ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет» (ч.1 ст. 87) [11].

Согласно ст. 20 УК РФ уголовная ответственность наступает по достижении шестнадцати лет. Однако существует ряд дел, по которым уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет. Сюда входят:

убийство (ст. 105 УК РФ);

умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ);

умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ);

похищение человека (ст. 126 УК РФ);

изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ);

кража (ст. 158 УК РФ);

грабеж (ст. 161 УК РФ);

разбой (ст. 162 УК РФ);

вымогательство (ст. 163 УК РФ);

неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ);

умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 167 УК РФ);

террористический акт (ст. 205 УК РФ);
захват заложника (ст. 206 УК РФ);
заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ);
хулиганство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 213 УК РФ);
вандализм – ст. 214 УК РФ;
хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ);
хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ);
приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ)) [11].

Если несовершеннолетний «достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности» (ч. 3 ст. 20 УК РФ)) [11].

Наибольшее число лиц, осужденных за совершение преступлений в возрасте до восемнадцати лет (данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ) осуждены за кражи; затем следуют грабеж (открытое хищение имущества) и неправомерное завладение автомобилем без цели хищения.

К несовершеннолетним, совершившим преступления, «могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание» (ч. 2 ст. 87 УК РФ)) [11].

Освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия осуществляется на основании ст. 90-91 УК (427, 431 УПК РФ). Эти меры применяются в отношении подростков, которые совершили преступления небольшой и средней тяжести, и назначаются судом, если установлено, что

несовершеннолетний может исправиться без применения уголовного наказания. (Преступлениям небольшой тяжести - деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лишения свободы; средней тяжести – пяти лет).

К принудительным мерам воспитательного воздействия относятся:

- 1) предупреждение;
- 2) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- 3) возложение обязанности загладить вред;
- 4) ограничение досуга и установление особых требований к поведению (запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток и пр.)

Хотя в тексте нормы Закона об уголовной ответственности несовершеннолетних на первом месте стоят меры воспитательного воздействия, на практике эта норма применяется мало. Низкий уровень использования таких мер во многом связан с тем, что фактически нет таких социально- реабилитационных или иных учреждений для работы с несовершеннолетними, которые были бы предназначены к работе именно с этой категорией несовершеннолетних, хотя общее число психологических и социально-реабилитационных центров для работы с детьми растет (в конце 90-х годов их было очень мало).

Несовершеннолетние, которым вынесен обвинительный приговор, могут быть освобождены судом от наказания и помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием. Помещение в такие учреждения относится к мерам воспитательного воздействия. Эта мера может быть применена в случае совершения несовершеннолетним преступления средней тяжести и некоторых видов тяжких преступлений, если для его для их исправления требуются особые педагогические условия (ст. 92 УК РФ). Эта норма

применяется еще реже. В случае осуждения за совершение преступления средней тяжести при освобождении от наказания могут быть применены и другие воспитательные меры (не связанные с изоляцией от общества).

Применение лишения свободы в отношении несовершеннолетних имеет определенные ограничения.

Во-первых, введены ограничения для его применения, связанные с возрастом и степенью тяжести преступления: наказание в виде лишения свободы (реального и условного) не может быть назначено несовершеннолетнему, не достигшему возраста шестнадцати лет, «совершившему преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые» (ч. 6 ст.88 УК РФ) [11].

Во-вторых, снижены верхние и нижние пределы санкций: за совершение особо тяжких преступлений несовершеннолетнему осужденному назначается наказание не свыше десяти лет лишения свободы; за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления нижний предел наказания сокращается наполовину (ч. 6 и 6.1. ст. 88 УК РФ).

Другие наказания:

- штраф;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы (выполнение в свободное время бесплатных общественно полезных работ);
- исправительные работы (исполняются либо по месту основной работы, а для неработающих - в специально определяемых местах, из заработной платы осужденного производятся определенные удержания в доход государства);
- ограничение свободы.

В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ при назначении наказания несовершеннолетие учитывается в качестве смягчающего обстоятельства.

Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон является важной составляющей правосудия в отношении несовершеннолетних (хотя данный институт не является исключительно ювенальным).

Лицо, «впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред» (ст. 76) [11]. Т.е. по этому основанию уголовное дело прекращается. Эта норма относится в равной мере как взрослым, так и к несовершеннолетним. Эта норма широко используется судами: в целом около 20 % от общего числа лиц, в отношении которых уголовные дела рассмотрены по существу, освобождается от уголовной ответственности за примирением с потерпевшим.

В 2011 г. с введением изменений в УК РФ суд получил возможность при наличии смягчающих обстоятельств и при отсутствии отягчающих обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15). А поскольку прекращение дел за примирением сторон (и для несовершеннолетних и для взрослых), а также с применением мер воспитательного воздействия для несовершеннолетних ставится в зависимость от категории преступления, эта норма существенно расширяет возможности освобождения от уголовной ответственности.

Независимо от тяжести преступления заглаживание причиненного преступлением вреда служит смягчающим обстоятельством при назначении наказания (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Даже в том случае, когда дело нельзя прекратить, примирение сторон и заглаживание вреда будут иметь позитивные юридические последствия.

Что касается других особенностей процедуры по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, то в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетнего обязательно участие адвоката и родителей /законных представителей.

Помимо других обстоятельств, при расследовании и судебном разбирательстве устанавливаются: возраст, уровень психического развития и иные особенности личности, условия жизни и воспитания, влияние старших по возрасту лиц.

При вынесении решения суд должен решить вопрос о возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия и других норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности (в том числе, примирение с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести). При постановлении обвинительного приговора суд обязан решить вопрос о возможности освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 УК РФ, либо условного осуждения, либо наказания, не связанного с лишением свободы (ч. 1 ст. 430).

К несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). При решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц или должностных лиц специализированных детских учреждений (ст. 105, 423 УПК РФ).

В допросе несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого, не достигшего шестнадцати лет или достигшего этого возраста, но подверженного психическим расстройствам или отстающего в психическом развитии, обязательно участвует педагог или психолог (ч. 3 и 6 ст. 425 УПК РФ).

Если несовершеннолетний совершил деяние, нарушающее Уголовный закон, но не достиг возраста уголовной ответственности, уголовное дело не возбуждается. Такие дети доставляются в органы внутренних дел.

Поведение таких детей рассматривают в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее КДНиЗП). В результате такого рассмотрения выносится решение о применении мер воспитательного воздействия, в том числе о передаче дела в суд для рассмотрения вопроса о помещении несовершеннолетнего в закрытые учебно-воспитательные учреждения.

На основании постановления судьи (по материалам, подготовленным КДНиЗП и другими органами) малолетние, совершившие общественно опасные деяния, с одиннадцатилетнего возраста могут помещаться в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (ч. 4 и 5 ст. 15, 26-30 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). Судебное рассмотрение таких дел регулируется тем же Законом.

На основании постановления КДНиЗП, заключения психолого-педагогической комиссии и с согласия законных представителей несовершеннолетние в возрасте от восьми до восемнадцати лет могут помещаться в специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа. Если несовершеннолетнему исполнилось четырнадцать лет, требуется его согласие, в любом случае требуется согласие родителей или иных законных представителей (п. 1 ч. 2 ст. 15 Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

Если ребенок не направляется в специальные учреждения, с ним проводится индивидуальная профилактическая работа – это комплекс мер воспитательного характера и оказания необходимой помощи. Для этого несовершеннолетнего или семью ставят на учет. Выявляются причины неблагополучия семьи или ребенка и разрабатывается программа социального сопровождения. Ее реализацией по решению КДНиЗП

занимаются специалисты специальных учреждений (центров социальной помощи), а комиссия контролирует выполнение. Такие программы могут содержать меры по оказанию психологической, юридической, материальной помощи, организации досуга, отдыха, помощи в обучении и т.п.

Административные правонарушения – мелкое хулиганство, мелкие хищения, распитие спиртных напитков, нарушение правил дорожного движения и пр. Административная ответственность наступает в 16 лет, дела подростков рассматриваются в КДНиЗП.

Несовершеннолетние отбывают наказание в виде лишения свободы отдельно от взрослых преступников в воспитательных колониях.

Исполнение наказания регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом РФ, где есть глава 17 «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях». В Кодексе не указываются никакие специфические цели пребывания детей в местах лишения свободы.

Несовершеннолетние, к которым применяется мера пресечения в виде заключения под стражу, содержатся в следственных изоляторах (СИЗО) отдельно от взрослых в маломестных камерах, предназначенных для содержания не более 4-6 человек.

В воспитательных колониях установлены строгие, обычные, облегченные и льготные условия отбывания наказания. В качестве меры поощрения воспитанникам предоставляется право посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии в сопровождении сотрудников, а также право выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников.

В воспитательной колонии подростки получают образование, там есть школы, профессиональные училища и учебно-производственные мастерские. При колониях созданы попечительские советы из представителей предприятий и учреждений, бизнес сообществ, организаций и общественных объединений, оказывающих помощь, родительские комитеты.

Помещение несовершеннолетнего правонарушителя в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (по решению суда) может применяться в качестве воспитательной меры. Эти учреждения подведомственны Министерству образования.

Сюда относятся учреждения двух видов: специальные профессиональные училища и специальные общеобразовательные школы (отдельно для мальчиков и для девочек, есть и смешанные). В последние годы количество решений о помещении несовершеннолетних в такие учреждения снижается, уменьшается и численность учреждений. Туда помещаются совершившие преступления несовершеннолетние, как достигшие возраста уголовной ответственности и нуждающиеся в специальном педагогическом подходе и освобожденные от наказания, так и совершившие общественно опасное деяние и не достигшие возраста уголовной ответственности.

Подобных учреждений чрезвычайно мало, поэтому реально судьи лишены возможности применять такую меру. Кроме того, в отличие от воспитательной колонии, для помещения ребенка в такое учреждение есть множество ограничений медицинского характера.

В последние годы отмечается тенденция увеличения среди несовершеннолетних, помещаемых в такие учреждения, числа детей с отклонениями в психическом развитии, в том числе с задержкой психического развития, умственной отсталостью, детей с проблемами зависимости от алкоголя, наркотических средств и одурманивающих веществ. В силу отсутствия специальных (коррекционных) образовательных учреждений закрытого типа, обеспечивающих содержание и реабилитацию таких детей и подростков, работа с ними проводится в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, не являющихся коррекционными.

Таким образом, действующее российское законодательство содержит немало положений, вполне отвечающих международным стандартам

правосудия в отношении несовершеннолетних, но реализация их на практике затруднена. Существующий разрыв между законодательными предписаниями и реальной практикой стал одним из факторов экспериментирования в правосудии по делам несовершеннолетних.

С середины 90-х годов XX века началось довольно интенсивное движение гражданской и юридической общественности за ювенальную юстицию. Предлагались соответствующие законопроекты, однако законодательный процесс слишком долог и неповоротлив. Да и кроме того, в 90-е годы на практике не было выработано каких-то ясных моделей, которые имело бы смысл закрепить в законе. С другой стороны, имеющееся законодательство уже давало возможность реализовывать международные стандарты, правда при определенных условиях – при смене основных установок и интерпретации законов, поскольку цели ювенальной юстиции принципиально иные, чем уголовной. Российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство неявно задает возможность осуществлять особую деятельность в отношении несовершеннолетнего правонарушителя. Такая деятельность предполагает необходимость выявления условий его жизни и воспитания, определения возможностей, при которых меры воспитательного воздействия либо условное осуждение оказываются более эффективными, нежели карательные санкции, выработки рекомендаций относительно санкций исходя из личности несовершеннолетнего, его семейного окружения и т.п. Но специальную процессуальную фигуру для выполнения такой работы закон не предусматривал (и до сих пор не предусматривает). При новой интерпретации возникает нужда в организации деятельности, которая могла бы фактически реализовать указанные нормы.

Выработанные за более чем столетнюю историю принципы ювенальной юстиции реализуются в разных странах в тесном сотрудничестве структур официальной юстиции с социально-реабилитационными организациями и учреждениями, обеспечивающими возможность некарательного реагирования на преступления несовершеннолетних.

Зафиксированное к концу XX века отсутствие в России реабилитационных форм работы с несовершеннолетними правонарушителями определило то направление, в котором нужно было разрабатывать новые подходы и технологии.

Первые пилотные проекты осуществлялись при поддержке ЮНИСЕФ, Программы развития ООН, Международной тюремной реформы и др. в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Саратове. В период с 1998 по 2003 г. были запущены несколько пилотных проектов, которые оказали влияние на всю последующую деятельность по экспериментальной разработке элементов ювенальной юстиции. Шло интенсивное обучение судей и подготовка совершенно новых для нашей страны профессионалов – социальных работников по работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Главными инновационными шагами в стали специализация судей и введение при судье фигуры социального работника. Задача социального работника – «сбор информации для суда о личности подростка и его социальной ситуации, выявление проблем и факторов, обусловивших совершение преступления, а также разработка мер по его ресоциализации и помощь в их осуществлении, установление контактов с разного рода учреждениями, которые могут оказать помощь в решении проблем подростка» [44].

В дальнейшем модели работы, созданные в рамках пилотных проектов, были закреплены и продолжают действовать.

2.2 Медиация по уголовным делам как способ восстановительного правосудия

С 70-х годов XX века во многих странах мира стали использоваться такие способы урегулирования правовых конфликтов, которые основаны не на соревновательной конфронтации сторон, а на поиске консенсуса. Конфликт разрешается с помощью медиации либо с использованием

сложившихся в конкретной местности традиционных форм участия общины в разрешении споров и примирении сторон. В-первую очередь медиация применяется в сфере гражданского права, но в последние годы она стала проникать и в официальные системы уголовной юстиции.

Такой способ реагировать на уголовные преступления начинает складываться в последнюю треть XX века. Различные направления, концепции и модели, основывающиеся на идее согласия и примирения сторон, к началу 80-х годов стали объединяться термином «восстановительное правосудие». Практика реагирования на преступления, основанная на переговорах, примирительных процедурах и компенсации причиненного вреда, безусловно, является очень древней. Сегодня она получает новую жизнь, используясь как альтернатива господствующему карательному способу ответа на преступления. Восстановительное правосудие на сегодняшний день заметное явление, как в правовой теории, так и в практике уголовного правосудия.

Теоретическая концепция восстановительного правосудия – это результат работы общественных активистов, правозащитников и ученых. Становлению восстановительного правосудия в его современном виде способствовали:

- 1) социальные движения, направленные на борьбу за сокращение численности тюремного населения и альтернативные наказания, за нормальные условия содержания в тюрьмах, за права жертв;
- 2) экспериментальные программы разрешения конфликтов;
- 3) религиозные концепции и практики миротворчества;
- 4) научные исследования и теории (социальные, криминологические, виктимологические и пр.).

Если проанализировать современные международные документы в сфере уголовной юстиции, предотвращения преступлений, взаимодействия с правонарушителями и жертвами преступлений, то можно выделить несколько тенденций в этой области:

- Пересмотр традиционных стратегий реагирования на преступления в пользу альтернативных.
- Содействие повторной социализации правонарушителей.
- Забота об интересах и потребностях жертв.
- Проведение различия между карой и ответственностью за преступление.
- Содействие медиации между правонарушителем и жертвой.
- Возрастание роли малых сообществ, поддерживающих программы медиации [45].

Для описания уголовного правосудия, основанного на идеях и практиках переговоров и примирения, используются разные термины – «восстановительное правосудие», «общинное правосудие», «реституционное правосудие» (в документах ООН), однако в основе их лежит использование медиации как механизма урегулирования конфликтов. Как бы не различались формы урегулирования, определяемые местными обычаями, основаны они на диалоге, уполномочивании сторон в разрешении конфликта, достижении соглашения. Включение механизмов медиации в реагирование на уголовные преступления является важнейшим пунктом в политике пересмотра традиционных стратегий. Приоритет постепенно отдается ресоциализации лиц, совершивших преступления, исцелению жертв и привнесению мира в общество.

У термина «медиации» есть широкое значение, под ним понимается такой способ разрешения конфликта (с участием беспристрастной третьей стороны), когда решение принимается самими сторонами. В Рекомендации № R (99) 19, принятой Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 г., приводится следующее определение медиации по уголовным делам: «это процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления» [9].

Необходимо отметить, что речь идет о разрешении конфликтов в области публичного права, поэтому стороны участвуют в урегулировании ситуации, но окончательное (юридическое) решение по делу (с учетом достигнутого соглашения) принимает официальный субъект (соответствующий орган власти).

Хотя в качестве сторон упоминаются лишь пострадавший и правонарушитель, но участие в медиации других лиц (родителей, близких, специалистов, представителей учебного заведения и пр.) не исключается. Медиатор организует встречу правонарушителя и жертвы, на которой обсуждаются и решаются проблемы, возникшие в результате преступления, приносятся извинения, достигаются соглашения, заглаживается вред. То есть делается все возможное для разрешения конфликта между людьми,

Медиация – самая распространенная программа восстановительного правосудия, но существуют и другие формы и виды процедур, основанные на тех же принципах, что и медиация.

Такие программы примирения существуют и успешно реализуются в разных странах мира, в том числе в России. Модели таких программ весьма разнообразны, как и варианты их взаимодействия с официальной системой правосудия. Общей для всех является ориентация на переговоры и достижение согласия, что объясняет ряд общих характеристик не свойственных карательному правосудию:

- добровольность участия сторон;
- самостоятельность в принятии сторонами решений;
- нейтральность медиатора;
- роль медиатора (организация взаимодействия участников программ);
- конфиденциальность процесса.

Ключевым отличием медиации от уголовного процесса является реагирование на преступления не наказанием, а возложением на обидчика обязательств загладить вред, причиненный преступлением. Исполнение обязательств по заглаживанию вреда, а не пассивное претерпевание

наказания – именно так понимается ответственность преступника. Таким образом основными чертами и целевыми ориентирами восстановительного правосудия становятся «ответственность правонарушителя, исцеление жертвы, участие сообщества в разрешении проблем, приведших к преступлению и возникших в результате преступления» [45]. При проведении медиации между собой взаимодействуют конкретные люди с их ценностями и чувствами, а не формальные состязающиеся процессуальные фигуры. Происходит актуализация способности людей к взаимопониманию, к изменению, к ответственности.

Использование медиации по уголовным делам происходит в правовых системах разного типа – в Великобритании и США, во Франции и Бельгии, Германии и Новой Зеландии, в странах Восточной Европы. В зависимости от того как сочетается медиация с уголовным процессом выделяют медиацию как альтернативу уголовному процессу, как его часть и как дополнение.

Если медиация используется как альтернативный способ, то дело либо вообще не возбуждается, либо выводится из уголовного процесса на достаточно ранних стадиях. Если медиация включается в судопроизводство как его составляющая, то оно становится неким технологическим (внепроцессуальным) элементом судопроизводства. Результаты восстановительной программы учитываются на последующей стадии судопроизводства.

Медиация как дополнение к уголовному процессу: это медиация, проводящаяся в тюрьме после того, как вынесено судебное решение. Она направлена скорее на удовлетворение моральных и эмоциональных потребностей сторон, чем на создание юридических последствий [41]. Хотя и юридические последствия не исключаются.

Вид медиации «определяется в зависимости от стадии уголовного процесса, с которой дело направляется на медиацию, выделяются полицейская и судебная медиация» [35, с.73-79].

Перед тем как нормы, регламентирующие посредничество по уголовным делам, вошли в законодательство ряда стран, были предложены различные общественные инициативы и проведен этап испытаний. Отсюда разнообразие моделей, воплощающих указанную идею. В зависимости от организационной модели, обеспечивающей взаимодействие программ восстановительного правосудия с системой уголовной юстиции: в одних странах службы примирения функционируют самостоятельно, в других - включены в службы пробации, в третьих представляют собой часть исправительных служб, в четвертых медиацию осуществляют социальные службы муниципалитетов и т.д. Информация о случаях, нуждающихся в урегулировании, поступает от суда или полиции. В зависимости тяжести обвинения определяются юридические результаты достигнутого соглашения. Если преступление не представляет большой общественной опасности, то обвинение может быть снято до передачи дела в суд. Если соглашение не достигнуто или одна из сторон отказывается от примирения, то дело передается в суд. По преступлениям большей тяжести судья, вынося окончательное решение, принимает во внимание соглашения, принятые на примирительной встрече.

Медиация может быть по-разному оформлена в национальном законодательстве: законы ювенальной юстиции (Австрия, Германия, Финляндия, Польша, некоторые штаты в США), УПК (Австрия, Франция, Бельгия, Финляндия, Польша), (Германия, Финляндия, Польша), специальный закон о медиации (Норвегия, Финляндия, Молдова), закон о службе пробации (Чехия, Латвия). Но медиация может использоваться и не на основе закона. Например, в ювенальной юстиции Италии отсутствует закон о медиации, но несовершеннолетний правонарушитель может дать согласие на направление дела на медиацию. Вида правонарушения, по которому дело может быть передано на медиацию не оговаривается специально. Судья или социальная служба назначают медиацию по

собственному усмотрению, исходя из пользы для правонарушителя и пострадавшего.

Итак, начавшаяся с отдельных общественных инициатив и проектов, опирающаяся на гуманитарные концепции, криминологические теории и местные обычаи, медиация по уголовным делам к 80-м годам XX века институционализировалась на уровне государств и превратилась в мировое движение, регулирующееся на уровне международной политики в области уголовного правосудия. Это движение получило название «восстановительное правосудие». Сочетание общей идейной основы и региональных особенностей рождает различные модели, зависящие как от местных обычаев и особенностей правовой системы, так и от различных программ восстановительного правосудия. Медиацию используют на разных стадиях уголовного судопроизводства (в том числе на допроцессуальной стадии). В зависимости от тяжести преступления и правового статуса правонарушителя медиация имеет разные юридические последствия в разных национальных законодательствах.

2.3 Медиация по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Как было указано выше взаимодействие восстановительного правосудия с официальной системой юстиции в большинстве стран обязательно.

В 2010 г. в России принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г (далее Закон о медиации). В нем идет речь о гражданских, коммерческих, трудовых и семейных спорах, но вопросы уголовного судопроизводства не затрагиваются. Медиация правонарушителя и жертвы (обвиняемого и потерпевшего) не попадает в сферу действия данного Закона. Несмотря на это, мы можем наблюдать

развитие восстановительного правосудия в России на протяжении последних двадцати лет.

Встраивание медиации правонарушителя и жертвы в официальную систему реагирования на преступления – вот обязательное условие институционализации восстановительного правосудия. Со стороны российской юридической системы это условие обеспечивается благодаря двум факторам. Во-первых, благодаря ценностной поддержке ряда юристов – как практиков, так и теоретиков, хотя она и не повсеместна. На практике эта поддержка получила выражение в том, что в ряде территорий Российской Федерации выстраивается сотрудничество общественных активистов с судами, благодаря чему там проводятся программы примирения по уголовным делам. Кроме того, восстановительное правосудие стало объектом изучения и обсуждения правоведов. Во-вторых, сложное устройство современного уголовного правосудия с его институтами открывает возможности для использования примирительных программ между правонарушителем и жертвой – несмотря на то, что в «парадигмальном плане, т.е. с точки зрения основных целей, ориентиров и существа подхода, оно является карательным» деянии [44].

Можно сказать, что общие принципы российского законодательства затрудняют использование медиации. В некоторых европейских странах при возбуждении уголовного дела действует принцип целесообразности, являющийся важным правовым основанием для реализации программ примирения между правонарушителем и жертвой на самой ранней стадии – т.е. как только в полицию поступил сигнал о противоправном деянии [35, с. 73-79]. Согласно этому принципу полицейский или прокурор могут направить дело на медиацию, если сочтут это целесообразным и не возбуждать уголовное дело, если она пройдет успешно. Российский уголовный процесс не предполагает использование этого принципа, у нас действует принцип законности: «при наличии установленного законом повода уполномоченное официальное лицо (следователь, прокурор) обязано

возбудить уголовное дело» (ст. 21, 146 УПК РФ) [12]. Вне уголовного процесса действует аналогичный принцип: к примеру, в соответствии с Законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (№ 120-ФЗ – ст. 9 ч. 2 п. 5) при «обнаружении противоправных деяний, совершенных несовершеннолетними, школы обязаны поставить в известность полицию» [14]. Полиция должна возбудить уголовное дело, если деяние может быть подведено под Уголовный кодекс. Во главе угла стоит «законность» - обязанность власти возбудить уголовное дело, а не разрешение конфликта между людьми.

И все же в России существует ряд правовых условий для использования медиации по уголовным делам.

Во-первых, общепризнанные принципы международного права и международные договоры Российской Федерации, которые в соответствии с Конституцией РФ, являются составной частью ее правовой системы, причем приоритетной по сравнению с внутренними законами. Таким образом, вхождение концепции восстановительного правосудия в международные стандарты уголовного правосудия, создает легальные основания для использования восстановительных программ в российском уголовном судопроизводстве.

Во-вторых, понятия «примирение» и «заглаживание вреда», зафиксированные в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РФ: «по определенным категориям дел следователь на стадии предварительного расследования и суд на стадии судебного разбирательства в случае примирения сторон и заглаживания вреда вправе (но не обязаны) прекратить уголовное дело» (ст. 76 УК РФ и 25 УПК РФ) [11, 12]. Эта норма действует и в том случае, если «преступление совершено впервые и лицо обвиняется в умышленном преступлении небольшой или средней тяжести, либо в преступлении, совершенном по неосторожности» [14].

Уголовно-процессуальный кодекс содержит также составы частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), по которым уголовные дела могут начаться только по заявлению потерпевшего (три состава – ст. 115 ч. 1, ст. 116 ч. 1, ст. 128 ч. 1 УК РФ). Примирение сторон в таких категориях дел ведет к тому, что дело прекращается в обязательном порядке. Кроме этого, заглаживание причиненного преступлением вреда служит смягчающим обстоятельством при назначении наказания независимо от тяжести (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Таким образом, даже если дело невозможно прекратить, примирение и заглаживание вреда все же создают позитивные юридические последствия.

Следовательно, примирение сторон и заглаживание вреда «возможно и после вынесения обвинительного приговора и может иметь не только моральные или воспитательные эффекты, но и юридическое значение. В этом случае юридические последствия могут быть в виде условно-досрочного освобождения» [34, с.77-78], а при условном осуждении примирение и заглаживание вреда становится основанием для применения ч. 1 ст. 74 УК об «отмене условного осуждения и снятии судимости (по истечении не менее половины испытательного срока)» [11].

Существует еще ряд норм, которые потенциально могут использоваться для примирения, хотя непосредственно о примирении речь не идет, но говорится о его элементах: о возмещении ущерба и заглаживании вреда обвиняемым. Например, ч. 1 ст. 75 УК РФ и 28 УПК РФ («Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием») [11, 12].

Приведенные выше нормы используют как по отношению к взрослым, так и к несовершеннолетним обвиняемым. Нормами, касающимися уголовных дел в отношении несовершеннолетних, предусматривается «освобождение от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия» [11] для подростков, совершивших преступления небольшой или средней тяжести (без признака «впервые») (ст. 90, 91 УК РФ, 427 и 431 УПК РФ). Обязанность загладить

причиненный вред возлагается на обвиняемого в качестве одной из принудительных мер.

Примирение сторон. Процессуальное право сторон на примирение закрепляется нормами, перечисленными выше (заметим, что «примирение» не равно «прекращение уголовного дела в связи с примирением», которое, за исключением дел частного обвинения, будет правом, а не обязанностью суда, следователя, дознавателя). А в общеправовом смысле «примирение – это субъективное право, которое люди могут осуществить за пределами уголовного судопроизводства безотносительно к юридической квалификации совершенного деяния» [44].

Таким образом, правовая основа и стимул для складывания института медиации в уголовном процессе – это институты освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования за примирением сторон. Нормы этих институтов направлены как на защиту интересов обвиняемого, так и потерпевшего, поскольку «процессуальным основанием для решения вопроса о прекращении дела является заявление потерпевшего, что вред обвиняемым заглажен и он (потерпевший) ходатайствует о прекращении дела». Но сама процедура примирения законодательно не установлена, российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает медиацию. А, значит, нет и легитимной процедуры передачи случаев из структур уголовного процесса в службы примирения. Поэтому практика медиации по уголовным делам в рамках теории восстановительного правосудия носит экспериментальный характер и исходит из духа, а не буквы закона.

В то же время 2000-е годы уголовное и уголовно-процессуальное законодательство расширяет правовое поле для прекращения дел за примирением. Это косвенно свидетельствует как о востребованности медиации по уголовным делам самой судебной системой, так и о наличии потенциального поля для реализации данного способа урегулирования криминальных конфликтов. Как замечает Л.М. Карнозова «с точки зрения

судебной статистики эксперименты по восстановительному правосудию по делам несовершеннолетних – это капля в море российской судебной системы» [45].

Итак, примирение закрепляется в законе в качестве права лиц, а не в качестве специально организуемой процедуры с участием посредника. Но самостоятельное урегулирование криминального конфликта сторонами, разделенными враждой и противоположными процессуальными интересами, весьма затруднительно, а порой и невозможно. К тому же участники процесса не всегда знают о наличии у них такого права (обвиняемый боится получить дополнительное обвинение в давлении на потерпевшего и ухудшить свое положение). А потерпевший в большинстве случаев не будет проявлять подобную инициативу. По смыслу ст. 25 УПК и 76 УК мировой судья, федеральный судья, а также следователь и дознаватель должны разъяснять сторонам право на примирение в случаях, определенных этими нормами. Однако закон предусматривает разъяснение права на примирение по делам публичного и частно-публичного обвинения только в суде и только потерпевшему (ч. 2 ст. 268 УПК РФ), хотя, инициатива и активность в заглаживании вреда и осуществлении иных действий, которые направлены на компенсацию негативных последствий преступления, должны исходить от обвиняемого. В делах частного обвинения, уголовное дело нередко возбуждается в результате затянувшегося конфликта (семейного, соседского), и для его урегулирования наличие посредника тем более необходимо. Если отношения между сторонами будут продолжаться и после вынесения судебного решения, то медиацией по таким делам необходимо предусмотреть не только достижение соглашения по конкретному вопросу, но и урегулирование отношений в целом.

Можно сделать вывод о том, что «примирение обвиняемого и потерпевшего уголовным законодательством не только допускается, но даже поощряется (поощрение состоит в освобождении обвиняемого от уголовной ответственности и удовлетворенности потерпевшего, поскольку

освобождение от уголовной ответственности может произойти не иначе, чем по его заявлению), государство должно способствовать реализации закона» [44]. Медиатор, проводящий программу восстановительного правосудия, должен соблюдать как саму процедуру, так и ее этические принципы, фактически выступая своего рода «гарантом порядочности и законности» [45], препятствующим, как давлению на потерпевшего со стороны обвиняемого, так и наоборот.

Отождествление институтов примирения и институтов освобождения от уголовной ответственности за примирением не верно. Медиация не устанавливает ограничения в зависимости от тяжести совершенного преступления – важно лишь согласие сторон на нее. Но юридические последствия медиации (т.е. примирения сторон и заглаживания вреда) определяются законодательством. Задачей медиации по уголовным делам не является исключительно освобождение нарушителя от наказания. В рамках восстановительного правосудия ставится одновременно несколько важных целей в отношении правонарушителя, пострадавшего и общества – и медиация равным образом ориентирована на все эти цели. Однако, важно иметь в виду, что «восстановительные программы и реализация достигнутых на медиации соглашений должны способствовать минимизации для нарушителя негативных последствий уголовно-правовых санкций карательного характера» [44].

Для того, чтобы использовать медиацию по уголовным делам необходима медиационная инфраструктура – действующие службы примирения, куда можно направлять дела. Такие службы уже существуют и следующая глава нашего исследования акцентирует внимание на двух их видах – территориальных службах примирения и службах школьной медиации. Но необходимо сделать одно замечание. До сих пор мы говорили о медиации в уголовно-правовой сфере, но в рамках обсуждаемой темы важно рассматривать медиацию как способ реагирования на деяния, запрещенные уголовным законом, т.е. шире, чем используемый в литературе

термин «уголовно-правовая медиация». Не все деяния криминального характера попадают в сферу уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношений (например, общественно опасные деяния несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности; бытовые конфликты, которые содержат в себе опасность перерастания в уголовные, с которыми, как правило, имеет дело участковый инспектор), в таких случаях использование медиации и других программ восстановительного правосудия весьма актуально. Из поля действия «уголовно-правовой медиации» выпадает ряд ситуаций, на которые этот способ может быть распространен: «во-первых, использование медиации как альтернативы уголовному преследованию до возбуждения уголовного дела; во-вторых, как мы уже отметили, – к общественно опасным деяниям несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности» [30]. Собственно в этом «слепом» для уголовного судопроизводства поле и осуществляется работа школьных и территориальных служб примирения.

Глава 3. Практический опыт восстановительного правосудия

3.1 Территориальные службы примирения

В России программы восстановительного правосудия стали проводиться в 1997 г. общественным центром «Судебно-правовая реформа». Работа по практической реализации программ, их теоретическому осмыслению и методическому обеспечению, позволяющая включить медиацию в российский уголовный процесс, позволила в 1997–1998 гг. создать первую в России экспериментальную площадку, по включению в уголовную юстицию по делам несовершеннолетних программ примирения несовершеннолетнего правонарушителя и жертвы. Эта площадка была организована на базе Таганского РУВД (районного управления внутренних дел) г. Москвы. Результатом работы в этот период стало не только накопление «опыта проведения и разработки методического инструментария восстановительных программ важнейшим результатом этого периода стала разработка первого юридического алгоритма, позволившего официально утвердить возможность проведения примирительных программ по делам в отношении несовершеннолетних на базе действующего законодательства» [93].

Со временем область практического применения программ расширялась, выстраивалось взаимодействие Центра с судом, школами, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, структурами социальной защиты.

С 1998 года программы восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних проводились на базе Черемушкинского районного суда г. Москвы. Центр «Судебно-правовая реформа» в рамках этой программы сотрудничал с фондом «Нет алкоголизму и наркомании». В ходе этой работы создавался «прототип для последующего формирования российской модели использования программ восстановительного правосудия в реагировании на

преступления несовершеннолетних, своего рода «опытный образец» службы» [61, с. 35-36]. Служба такого типа предусматривает организацию и проведение восстановительных встреч обвиняемого и потерпевшего, формирование основ восстановительного подхода в деятельности социального работника, предшествовавшей медиации и продолжавшейся после нее, создание процедур работы с потерпевшими и несовершеннолетними правонарушителями, в опоре на программу по заглаживанию вреда (медиация жертвы и правонарушителя), разработку организационных документов и правовой основы всей деятельности. Проводилась работа по анализу накопленного опыта, разрабатывался методический инструментарий медиатора, социального работника, отрабатывались формы взаимодействия с судом, т. е. «формировалась комплексная модель работы с правонарушениями, отвечающая идеям восстановительного правосудия» [34, 45].

Затем полученный «опытный образец» стал распространяться, при этом предусматривается специфика восстановительных программ, в зависимости от разных условий формирования экспериментальных площадок на тех или иных территориях. Программы примирения в работе с правонарушениями несовершеннолетних стали использоваться в деятельности медико-психологических центров, учреждений социальной защиты, комитетов по делам молодежи, общественных организаций, а также в сфере социальной и психолого-педагогической работы с детьми и семьями. Таким образом, началось создание служб примирения на территориях. Вместе с этим использование восстановительных программ в школе привело к организации школьных служб примирения.

Сегодня существует сеть служб примирения, которые действуют в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. Все службы примирения можно разделить на территориальные (ТСП) и школьные (ШСП).

Далее подробнее рассмотрим деятельность территориальных служб.

Сегодня под территориальной службой примирения понимают организацию (структуру), занимающуюся проведением восстановительных программ на определенной территории (территории муниципального образования, района, субъекта федерации). Деятельность такой службы может быть организована различным образом:

- в виде подразделения внутри учреждения, которое работает с детьми и семьями (например, внутри социального, медико-психологического или иного центра);

- при участии сотрудника учреждения, наделенного специальными функциями;

- в виде отдельной службы примирения;

- в рамках учреждения, занимающегося всей работой с несовершеннолетними правонарушителями (в таком учреждении медиация (круги, семейные конференции) лишь часть общей работы с детьми);

- в качестве общественной организации.

Организационно деятельность по проведению восстановительных программ оформляется как:

- 1) служба примирения, или служба медиации (в этом случае может происходить расширение сферы действия примирительных процедур и выход за пределы работы исключительно с правонарушениями несовершеннолетних);

- 2) специальная служба по работе с правонарушениями несовершеннолетних, (в таких организациях вся деятельность основывается на идеях восстановительного правосудия, но не ограничивается исключительно проведением примирительных программ.

За пределами нашего рассмотрения остаются иные направления деятельности служб: распространение восстановительных практик, курирование ШСП, подготовка медиаторов и кураторов и пр. Все эти направления важны, но нас главным образом интересует основной функционал территориальных служб.

Представленная классификация территориальных служб необходима, чтобы продемонстрировать «возможности разных вариантов организационного оформления восстановительных практик» [47]. Приходится учитывать и структурные изменения, и различные реорганизации, постоянно происходящие в сфере действия организаций по работе с несовершеннолетними, поэтому «возможные содержательные направления и организационные формы их деятельности, а, с другой – собственные предпочтения и самоопределение специалистов» [47] приобретают особое значение.

ТСП могут проводить программы восстановительного правосудия (в виде медиации, семейных конференций, кругов) по следующим категориям дел:

1) преступления, совершенные несовершеннолетними (информация о случаях поступает из судов, КДНиЗП, органов предварительного расследования, непосредственно от граждан, иногда – из образовательных учреждений, от адвокатов);

2) общественно опасные деяния, совершенные детьми, не достигшими возраста уголовной ответственности – ООД (информация о случаях поступает из КДНиЗП, ПДН/ОДН, непосредственно от граждан, образовательных учреждений, от адвокатов);

3) семейные конфликты (информация о случаях поступает из судов по гражданским делам, КДНиЗП, непосредственно от граждан, иногда – из образовательных учреждений, от адвокатов);

4) конфликты в образовательных учреждениях (информация о случаях поступает из образовательных учреждений и от граждан);

5) профилактические программы в образовательных учреждениях [47].

Правовым фундаментом для создания территориальных служб примирения и для официальной передачи случаев в эти службы выступают различные территориальные нормативные акты:

– (а) региональные межведомственные соглашения между субъектами системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, судами, прокуратурой, следственными управлениями Следственного Комитета, управлениями ФСИН и пр. (например, Архангельская область, Пермский край, Республика Карелия) и (б) утвержденные регламенты/порядки взаимодействия служб примирения и источников, передающих случаи для проведения программ;

– городские целевые программы (например, г. Красноярск);

– социально-значимые проекты и договоренности между сотрудничающими сторонами (Новосибирская область);

– программы сотрудничества между конкретными учреждениями, где базируется служба примирения, с конкретными судами и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (например, Москва, МГППУ – центр «Перекресток») [45, 46, 47, 62].

Кроме того работа служб основывается и на внутренних документах – положениях о службах, формах регистрации и отчетности и т.д.

Отсутствие в законодательстве Российской Федерации нормативного акта, предусматривающего и регламентирующего медиацию (программы восстановительного правосудия) по уголовным делам (по общественно опасным деяниям несовершеннолетних) определяет исключительную важность региональных документов данной сфере. Действующий на всей территории страны и определяющий работу всех официальных участников уголовного процесса, субъектов системы профилактики правонарушений, принцип законности устанавливает строгое следование букве закона. Отсутствие запрета на использование восстановительных программ в отечественном законодательстве, рекомендации по их применению в международных нормативных актах в совокупности позволяет проводить программы восстановительного правосудия по криминальным ситуациям при отсутствии прямых предписаний. Региональные модели реализации восстановительных технологий используют этот зазор для разработки

правового обеспечения своей деятельности. Однако любая правовая интерпретация модели должна закрепляться в официальных документах.

Официальные соглашения о реализации восстановительного подхода в работе с несовершеннолетними, находящимися в конфликте с законом, позволили проводить программы восстановительного правосудия на судебной стадии. Более того в последнее время в некоторых регионах отмечается важный сдвиг: заявки по уголовным делам стали поступать в службы примирения на стадии предварительного расследования (Пермский край, Архангельская область, Республика Карелия, Вологодская область) (см. [47]).

Кроме этого восстановительные технологии применяются и в работе с иными ситуациями: детско-родительскими и другими семейными конфликтами, конфликтами в образовательных учреждениях. Восстановительные программы по этим категориям дел реализуются в рамках собственных полномочий учреждений, оказывающих социальную, психологическую и психолого-педагогическую помощь детям и семьям. В работе с такими случаями специалисты данных учреждений получают дополнительный профессиональный инструментарий, который в дальнейшем может стать основным в их работе.

Для того чтобы создать территориальную службу примирения недостаточно лишь доброй воли организатора. Создание школьной службы примирения может быть инициировано распоряжением, например, директора школы, но когда предполагается применение восстановительных программ в урегулировании уголовных дел и иных правонарушений, «добровольности» какого-то одного субъекта недостаточно.

Слаженная и эффективная работа специалистов и руководства учреждений (соцзащиты, системы образования и пр.) возможна лишь при условии официального, действующего механизма взаимодействия с судами, КДНиЗП, правоохранительными органами. В отсутствии специальных региональных установлений эти структуры вынуждены обращаться к нормам

федерального законодательства, не урегулировавшего, как было сказано выше, данную область отношений.

3.2 Школьные службы примирения и восстановительная медиация

Программы восстановительного правосудия становятся не только формой реагирования на совершенные правонарушения, но и используются в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. В рамках движения за восстановительное правосудие в России с 2002 г. формируется практика школьных служб примирения [70], проводящих медиации в школьных конфликтах, при этом в качестве медиаторов выступают сами дети под руководством взрослого куратора.

Если проанализировать программы, проведенные в школьных службах примирения, то можно констатировать успешное разрешение части конфликтов, имевших уголовно-правовую перспективу (кражи, драки с нанесением телесных повреждений, грабеж), в рамках школьной службы медиации [70, с.35]. Так как результате проведенных программ все участники приходили к удовлетворяющим их результатам, то родители пострадавших детей в полицию не обращались. Действия, конфликты такого рода зачастую можно рассматривать как проявления «детской шалости, глупости, низкой правовой культуры, а вовсе не «криминальной испорченности». Безусловно, они требуют реагирования, но уголовное преследование является во многих случаях – даже если подросток достиг возраста уголовной ответственности – чрезмерным ответом» [70, с.36].

Школьные службы примирения (как российская модель школьной медиации), занимающиеся посредничеством при разрешении конфликтов в образовательных учреждениях, создаются центром «Судебно-правовая реформа» с 2000 года. Эти службы должны «способствовать складыванию и развитию в школьном сообществе способности к взаимопониманию, к мирному разрешению споров и конфликтных ситуаций и закреплению этого

как культурной традиции» [70 с.40]. Взрослые и школьники разных возрастов объединяются в команды для осуществления этих целей.

Идейной основой деятельности школьных служб примирения являются стандарты восстановительной медиации, принятые в 2009 году Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации, и соответствующие этим стандартам способы и методы работы медиатора. Модель школьной службы примирения, разработанная на этой основе, в последние годы находится в поле зрения юридической науки, ей посвящено немало публикаций [См. 39, 44, 45].

В 2010 году, по данным Фонда защиты детей от жестокого обращения, школьные службы примирения вошли в «Лучшие практики деятельности по защите прав ребёнка». В 2011 году Московской городской межведомственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав было принято постановление о создании в каждом общеобразовательном учреждении службы примирения. В 2012 году задача создания школьных служб примирения вошла в «Национальную стратегию действий в интересах детей 2014–2017 гг.» и в «План первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2014–2017 годы» [70].

Школьная служба примирения – это служба, осуществляющая работу с конфликтными ситуациями, возникающими внутри школы. Куратором ШСП может быть взрослый, прошедший подготовку в качестве медиатора и готовый систематически поддерживать и развивать службу примирения. Куратору необходим доступ к информации о происходящих в школе конфликтах. Его задача заключается в организации работы службы примирения и своевременном получении службой примирения информации о конфликтах.

Над разрешением конфликтов в качестве посредника, могут работать как специалисты (кураторы ШСП), так и дети-подростки. При этом

необходимо учитывать, что подростки НЕ могут выступать посредниками в конфликтах, в которых задействованы взрослые, например, учителя, родители, администрация школы. Данные конфликты берут на себя кураторы ШСП. Подростки, задействованные в работе ШСП, могут участвовать в качестве посредников у своих сверстников или более младших ребят.

Концепция Службы примирения: конфликт должен быть разрешен его непосредственными участниками, поскольку только они смогут найти лучшее решение. И если они приняли на себя ответственность за решение, то они его выполнят и получают опыт неконфликтного выхода из сложной ситуации.

Первая медиация, проведенная школьниками-медиаторами, прошла 16 декабря 2002 года в московской школе № 464, и эту дату можно считать началом деятельности школьных служб примирения в России. Медиация проводилась по конфликту между учителем и учеником, конфликт был успешно разрешен. По данным мониторинга, проведенного Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации, на 2017 год в 15 субъектах России действуют 1443 школьных и 121 территориальная служб примирения. За 2017 год ими было разрешено около восьми тысяч конфликтных и криминальных ситуаций (см. Приложение 1-5).

Так как школа не элемент правоохранительной системы, то в школьных службах примирения речь идет не о восстановительном правосудии, а о восстановительной медиации.

Воспитательный эффект такой медиации, профилактика и предупреждение повторения конфликтного, противоправного поведения в будущем выступают здесь на первый план. Зачастую в центре внимания даже не урегулирование конфликта, а именно положительные изменения в сознании и поведении.

Иногда в школьных конфликтах очень трудно определить «обидчика» и «жертву». Сюда относятся случаи ссор, драки ровесников, конфликты между учителями и учениками. Стороны причиняют друг другу вред в виде

оскорблений, формируют негативные отношения в классе и т. д. Часто, «большую роль в характере конфликта играет отношение к нему группы одноклассников, их определения правого и виноватого. Порой работа медиатора только со сторонами конфликта вообще не имеет смысла, поскольку если достигнутые договоренности и изменения поведения не будут поддержаны классом и педагогами, то подростки предпочтут вернуться к привычным и принимаемым классом формам общения» [70, с.50].

Модель медиации, выбранная для создания школьных служб примирения, определяется как набором характерных конфликтов, так и педагогически значимыми целями их разрешения.

Самой общей целью школьной службы примирения является восстановление и закрепление в среде образовательного учреждения способности к взаимопониманию как культурной традиции. Речь идет о своеобразной восстановительной культуре взаимоотношений.

Служба примирения, директор образовательного учреждения, ассоциация восстановительной медиации своими согласованными действиями должны инициировать в школе три процесса.

1. Процесс формирования нового типа реагирования на конфликтные ситуации. Это становится возможным благодаря тому, что «работа с конфликтами, нарушениями дисциплины и правонарушениями осуществляется с помощью разного рода восстановительных программ: медиации, «кругов сообщества», «школьных восстановительных конференций», «семейных конференций». Такого рода программы проводятся по всем переданным в службу случаям, где стороны конфликта известны и признают свое участие в произошедшем событии. При проведении программ медиаторы руководствуются стандартами восстановительной медиации и порядком работы медиатора» [70].

Условия обеспечения этой работы:

- своевременное получение информации о конфликтах;

- информирование педагогического коллектива, школьников и родителей о результатах работы службы (при сохранении «тайны медиации», т.е. подробностей примирительных процедур, связанных с их участниками и их действиями);

- анализ прошедших программ, а также отслеживание изменений в поведении участников конфликтов и взаимоотношений в школе после проведения примирительных процедур.

Повторное совершение правонарушения, вероятная необходимость направить информацию о случае в комиссию по делам несовершеннолетних или в правоохранительные органы требует повышенного внимания медиатора. По таким делам работает взрослый медиатор (куратор службы), предполагается обязательное участие во встрече родителей.

2. Процесс изменения «сложившихся установок педагогов, администрации, школьников и родителей на то, как следует разрешать конфликты; привитие ценностей культуры взаимопонимания. Для этого необходимо не только использование новых технологий (примирительных практик) для разрешения отдельных конфликтов, но и обучение всех членов школьного коллектива основам восстановительной коммуникации, а также включение восстановительных принципов в разные аспекты школьной жизни» [70].

Для этого необходимо:

- обсуждать способы реагирования на конфликты в школе, последствия, к которым эти способы приводят, возможности минимизировать негативные последствия, используя восстановительный подход;

- проводить педсоветы, совещания и семинары для согласования усилий по развитию восстановительной культуры в школе;

- изучать методические и практические материалы по восстановительным практикам (их распространением занимается ассоциация восстановительной медиации);

- просвещать и проводить информационные мероприятия для учителей, учеников, администрации и родителей, чтобы представить им ценности восстановительного подхода, изменить отношение к конфликту и увеличить числа передаваемых в службу примирения случаев;

- выступать на конференциях и в средствах массовой информации с целью популяризации восстановительных практик.

3. Процесс развития форм воспитания, основанных на восстановительных практиках. Речь идет о:

- обучении заинтересованных школьников и педагогов медиации и другим типам восстановительных программ;

- проведении переговоров для налаживания взаимопонимания между существующими в школе группами, чтобы они могли понять друг друга и увидеть в каждом человека со своим внутренним миром и интересами, исходя из личностных, а не из ролевых отношений;

- проведении «школьных восстановительных конференций» и «кругов сообщества» для решения важных для школьного сообщества проблемных вопросов;

- использовании восстановительных практик на классных часах, родительских собраниях, при подготовке школьных мероприятий, в классном руководстве, на педагогических советах, в методических объединениях, в работе профсоюза учителей как профилактики профессионального выгорания педагогов и как профилактики стрессов у учащихся;

- выявлении потенциально конфликтных ситуаций (приход новичков в класс, формирование нового класса, конфликты в столовой и пр.) и работе по снижению риска возникновения конфликтов (ведение переговоров, внесение предложений администрации и т. п.).

Безусловно, практическая деятельность ШСП, если она осуществляется не на бумаге, далека от изложенной выше идеальной модели. На разных стадиях своего развития ШСП сталкиваются с различными трудностями. Это и нехватка подготовленных специалистов, имеющих опыт практической

деятельности, и интеграция Службы в систему учебно-воспитательной работы школы с разграничением областей деятельности воспитательной службы, психологической службы. Необходимо преодолевать консерватизм педагогических коллективов в способах урегулированию школьных конфликтов, а также трудности в мониторинге информации о конфликтах, которая часто просто не доходит до специалистов служб школьной медиации. На этапе поддержания эффективной возникают трудности, связанные со сменой поколений специалистов, набором и обучением взрослых и ребят, передачей накопленного опыта.

В тоже время вклад ШСП в развитие коммуникативной и конфликтологической компетентности всех участников образовательного процесса и, как следствие, в повышение безопасности школьной среды несомненен. (В качестве примера можно привести отчет о проведенной медиации выполненный одним из школьников-участников ШСП, см. Приложение 6).

В последние годы Общественный центр «Судебно-правовая реформа» собирает данные о программах восстановительного правосудия по территориям, которые входят в ареал Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. Данные собираются по отдельности по территориальным и школьным службам примирения (для примера обобщенные данные за 2017 г. представлены в приложении 1-5). Программы примирения по уголовным и общественно опасным деяниям несовершеннолетних проводятся только территориальными службами.

Что касается территориальных служб примирения, там проводятся медиации и по более широкому кругу конфликтов с участием детей – в частности семейные или сложные школьные конфликты.

В целом происходит расширение практики восстановительного правосудия, однако пока нельзя сказать о стабильности этого процесса. На каких-то территориях число программ растет по сравнению с предыдущими годами, а где-то программы сворачиваются. Последнее объясняется

отсутствием форм институционального закрепления подобной практики. С уходом конкретных руководителей в отсутствие четких административных и правовых форм закрепления применение восстановительных программ порой прекращается. Кроме того, в последние годы происходят серьезные реорганизации сферы образования и социальной защиты, и при реорганизациях бывает довольно сложно с экономической точки зрения обосновать важность деятельности подобных служб. Но с другой стороны, примирительные программы по правонарушениям несовершеннолетних практикуются и в других регионах, которые пока не входят в систему сбора информации Ассоциации восстановительной медиации.

В настоящее время появились условия для более интенсивного разворачивания восстановительного подхода в работе с несовершеннолетними благодаря тому, что соответствующие пункты вошли в Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012-2017 годы, принятую Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. Восстановительный подход в данном документе рассматривается как приоритетный в работе с правонарушениями несовершеннолетних в рамках задачи создания правосудия, дружественного ребенку, и в области реагирования на школьные конфликты. Однако результаты реализации Стратегии оцениваются как весьма противоречивые. Еще одна опасность состоит в том, что спущенные сверху директивы о создании служб примирения могут привести к формализации и выхолащиванию ценностных и содержательных основ подхода. Во всяком случае, новые возможности оказываются одновременно и вызовом для российского сообщества восстановительных практик.

Заключение

Целью нашего исследования было выявление содержания понятия восстановительного правосудия, установление нормативно-правовой базы реализации восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, рассмотрение организационных и педагогических аспектов реализации концепции восстановительного правосудия на практике.

В первой главе были установлены юридически значимые характеристики восстановительного правосудия. Концепция восстановительного правосудия предполагает особое отношение к преступлению и наказанию за него, к преступнику и жертве. Первоочередным в рамках этой концепции будет восстановление нанесенного жертве морального, психологического и материального ущерба, замена кары вовлечением виновного в процесс социальной реабилитации.

Радикальный пересмотр правовой доктрины преступления и наказания связан с неудовлетворенностью общества результатами традиционного воздействия на преступность и, соответственно, состоянием защищенности самого общества от криминальных проявлений. Проблема эффективности уголовной репрессии актуализировалась также в связи с ростом рецидивной преступности на фоне увеличения числа лиц, осужденных к лишению свободы, в том числе и за преступления, не являющиеся тяжкими.

На уровне национальных законодательств как зарубежных государств так и России, идея восстановительного правосудия сформировалась, прежде всего, в отношении несовершеннолетних преступников. При этом уголовная политика этих государств ориентирована на поиск уголовно-правовых и иных мер, альтернативных наказанию, и их приоритетное применение. В сложившейся ситуации концепция восстановительного правосудия – это тот

набор идей и установок, который позволяет максимально учитывать как интересы общества, так и интересы несовершеннолетнего правонарушителя, а также осуществить поворот к гуманистическому правосудию и подлинно ювенальной юстиции.

В рамках второй главы установлены уголовно-правовые основания и особенности реализации восстановительного правосудия в Российской Федерации. Российское уголовное законодательство открывает возможности для проведения программ восстановительного правосудия. Поощрительный характер норм Уголовного и Уголовно-процессуального законов РФ о прекращении дел за примирением сторон и о смягчении наказания при заглаживании обвиняемым вреда потерпевшему указывает на то, что государство не отрицает возможность разрешения конфликта между людьми, как альтернативу уголовной репрессии. Следовательно, официальные органы уголовного правосудия должны способствовать передаче дел для проведения примирительных процедур. Но отсутствие законодательной регламентации такой передачи является тормозом для распространения и укоренения примирительных процедур по уголовным делам.

Использование медиации (как одной из программ восстановительного правосудия) по отношению к правонарушениям несовершеннолетних имеет некоторую специфику: необходимо учитывать и возрастные ограничения осознания детьми собственных поступков, и воспитательную направленность процедуры. Судьи видят в использовании медиации с подростками-правонарушителями эффективную воспитательную меру. Одновременно, поскольку рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних происходит по общей процедуре, опыт использования медиации по таким делам демонстрирует принципиальную возможность ее встраивания в уголовную юстицию и по делам взрослых обвиняемых.

В третьей главе рассматриваются особенности функционирования территориальных и школьных служб примирения в Российской Федерации. Эти службы действуют не только и не столько в рамках примирения сторон в

уголовном процессе, но и до возбуждения уголовного дела, не давая перерасти конфликту в судебное разбирательство или имея дело с деяниями несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности.

Отсутствие в законодательстве Российской Федерации нормативного акта, предусматривающего и регламентирующего медиацию (программы восстановительного правосудия) по уголовным делам (по общественно опасным деяниям несовершеннолетних) определяет исключительную важность региональных документов данной сфере. Региональные модели реализации восстановительных технологий закрепляются в территориальных нормативных актах.

Модель медиации, выбранная для создания школьных служб примирения, определяется как набором характерных конфликтов, так и педагогически значимыми целями их разрешения.

В целом происходит расширение практики восстановительного правосудия, однако пока нельзя сказать о стабильности этого процесса. Несмотря на высокую степень распространенности и разработанности программ восстановительного правосудия в европейских странах перенос технологической составляющей данных программ в российскую практику представляет сложную проблему. В первую очередь это связано с отсутствием законодательной базы, поддерживающей ту или иную модель восстановительной программы. Это осложняет процесс использования технологий примирения, внося элемент неоднозначности оценки происходящего с точки зрения закона и правоохранительных органов.

Восстановительное правосудие предполагает включение общества как самостоятельного субъекта, заинтересованного в реализации программ примирения. Российское общество пока не в полной мере осознает необходимость существования программ примирения и восстановительного правосудия в целом. Ментальные особенности российского общества в оценке системы наказания в большей степени связаны с продвижением карательной парадигмы. Сама возможность вступать во взаимодействие с

преступником вне системы правосудия и судебного преследования оценивается крайне негативно. Это во многом связано с отсутствием другого опыта и знания в данной области, а так же со стереотипом делегирования всех полномочий в отношении ведения дела и вынесения решения правоохранительным и судебным органам.

Со стороны правонарушителей примирение рассматривается, как возможность смягчить наказание или вовсе избежать его. При этом утрачивается сама суть восстановительного правосудия, связанная с заглаживаем нанесенного вреда, основанным на осознании и признании вины перед потерпевшим.

Включение процедуры примирения в правовую и общественную практику во многом связано и с наличием определенной культуры ведения переговоров, умением договариваться, слышать и слушать другого.

Несмотря на наличие объективных препятствий для реализации программ восстановительного правосудия существует и современный российский опыт использования моделей восстановительного правосудия. В практике уже можно выделить существование различных территориальных моделей: московской, пермской, ростовской и т.д. Увеличивается количество регионов, которые используют элементы и принципы восстановительного правосудия. Создаются школьные службы примирения, семейные конференции на базе школ или комиссий по делам несовершеннолетних. Активная практическая деятельность служб примирения – это, вероятно, основная движущая сила, способная изменить отношение общества к восстановительному правосудию. Любые законодательные новеллы, закрепляющие принципы восстановительного подхода будут оставаться формальными декларациями, если само общество (в лице определенных социальных групп и отдельных граждан) не станет активным участником примирительных и восстановительных программ.